

«В сражении кровавом
Иду иль победить, иль пасть;
Велит мне биться к даме страсть
С чудовищем трехглавым.

Покуда воинский убор
Я надеваю, разговор
Ведите меж собою
Про королей, про папский двор,
Про то, как у влюбленных взор
Туманится слезою».

Тут слуги, бывшие при нем,
Поставили бокал с вином
Пред юным господином.
Он выпил все одним глотком
И пряника вкусил потом,
Обсыпанного тмином.

На тело белое свое
Надев исподнее белье
Из ткани полотняной,
Сорочку он покрыл броней,
Чтоб сердце, идя в смертный бой,
Предохранить от раны.

Затем облек себя вокруг
Щитками лат – издельем рук
Искусного еврея,
Поверх всего надел камзол,
Который белизною цвел,
Как чистая лилея.

С кабаньей головою щит
Имел отменно грозный вид;
Над элем и над хлебом
Поклялся рыцарь, что убит
Им будет великан, – сулит
Пусть что угодно небо.

Огнем латунный шлем сверкал,
В кости слоновой меч лежал,
Сапог из мягкой кожи
На каждой был ноге надет,
Поводья испускали свет,
На лунный блеск похожий.

И кипарисовым копьем
С каленым тонким острием
Наш рыцарь красовался.
Конь вороной играл под ним,
Он был в пути неутомим,
Нигде не спотыкался.
Рассказу
Тут перерыв – конец главы.